

УДК 81'42:821.161.1(575.2)

DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-10-126-132

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КЫРГЫЗСТАНА

А.В. Окулич-Казарина

Аннотация. Обращение к “чужому слову” для формирования более краткого и в то же время глубокого высказывания является одной из основных тенденций в современной художественной литературе. Формой её выражения являются прецедентные включения в произведениях, причём для поэзии это характерно в меньшей степени. Целью статьи является описание подобных включений и показ их функций в структуре лирического высказывания. Основными источниками служат классическая русская и советская литература, советское кино (1950–1980-х годов) и песни; обращения к мировой литературе, Библии, прецедентным именам и т. д. встречаются гораздо реже. Наиболее ярко в кыргызстанской русскоязычной поэзии выступают функция оценки, прагматическая, эстетическая и парольная функции прецедентов; людическая, моделирующая и эвфемистическая функции практически не реализованы.

Ключевые слова: прецедентный феномен; русскоязычная литература Кыргызстана; цитата; квазичитата; аллюзия; упоминание.

КЫРГЫЗСТАНДЫН ОРУС ТИЛДҮҮ ПОЭЗИЯСЫНДАГЫ ПРЕЦЕДЕНТТИК КУБУЛУШТАРДЫН ФУНКЦИЯЛАРЫ

А.В. Окулич-Казарина

Аннотация. Кыскараак жана ошол эле учурда терең билдирүүнү калыптандыруу үчүн “бөтөн сөзгө” кайрылуу азыркы фантастикадагы негизги тенденциялардын бири болуп саналат. Анын туюнтма формасы чыгармалардагы прецеденттик кошулмалар болуп саналат, ал эми поэзияга азыраак мүнөздүү. Макаланын максаты – мындай кошулмаларды баяндоо жана лирикалык билдирүүнүн структурасында алардын функцияларын көрсөтүү. Негизги булактары классикалык орус жана советтик адабият, советтик кино (1950–1980-ж.) жана ырлар; дүйнөлүк адабиятка, Библияга, прецеденттик ысымдарга ж.б. кайрылуулар азыраак кездешет. Кыргыздын орус тилдүү поэзиясында эң айкын нерсе – баа берүү функциясы, прецеденттердин прагматикалык, эстетикалык жана парольдук функциялары; адамдык, моделдөөчү жана эвфемисттик функциялар иш жүзүндө ишке ашпайт.

Түйүндүү сөздөр: прецеденттик феномен; Кыргызстандын орус тилдүү адабияты; цитата; квазичитата; кыйытма; эскерүү.

THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE RUSSIAN-LANGUAGE POETRY OF KYRGYZSTAN

A.V. Okulich-Kazarina

Abstract. The appeal to the “foreign word” to form a shorter and at the same time deep statement is one of the main trends in modern fiction. The form of its expression is precedent inclusions in works, and this is less typical for poetry. The purpose of the article is to describe various precedent inclusions in poetry and show their functions in the structure of a lyrical utterance. The main sources of precedence are classical Russian and Soviet literature, Soviet cinema (from the 1950s–1980s) and songs; references to world literature, the Bible, precedent names, etc. are much less common. The most striking in the Kyrgyz Russian-speaking poetry is the function of evaluation and the pragmatic, aesthetic and password functions; ludic, modeling and euphemistic functions are practically not implemented.

Keywords: precedent phenomena; Russian-language literature of Kyrgyzstan; quote; quasiquote; allusion; mention.

Введение. Современная художественная литература, как нам кажется, в той или иной мере носит постмодернистские черты: в ней в различных комбинациях и формах присутствуют: ирония, (словесная) игра, чёрный юмор, интертекстуальность, пастизм (“склеивание” элементов разных произведений), метапроза (текст в тексте), фабуляция (смесь вымышленного с реальным), временные искажения, фрагментация и т. д. Одной из наиболее ярких черт постмодернистской литературы является обращение к чужому тексту как к десакрализованному, ставшему “общим местом” в литературе. Чужие тексты, “чужой голос” участвуют в создании нового оригинального произведения, насыщая его неоднозначными ассоциациями и сложными смыслами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что обозначенные выше тенденции не обошли и русскоязычную литературу Кыргызстана, в частности поэзию. В данной статье мы делаем попытку рассмотреть поэтические тексты русскоязычных кыргызстанских поэтов с точки зрения того, насколько они “пронизаны” прецедентностью.

Прецедентность как феномен стала рассматриваться относительно недавно (с введением термина “прецедентный текст” Ю.Н. Карауловым в 1986 г.). Согласно его определению, прецедентные тексты – “готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления” [1, с. 220], имеющие обязательные характеристики: “значимость для индивида, сверхличностный характер, неоднократную возобновляемость” [1, с. 216]. Справедливо замечание В.А. Дубининой: “Прецедентные феномены представляют собой своего рода тайник культурно значимой информации и вследствие этого являются маркерами коллективной культурной идентичности, раскрывая при этом связь с ценностными доминантами того или иного сообщества” [2]. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова к прецедентным текстам причисляют “любую характеризующуюся целостностью и связностью последовательность языковых единиц, обладающую целостной значимостью для определённой культурной группы” [3, с. 45]. Данное определение мы берём как основное в нашем исследовании.

Следует отметить, что многие исследователи наряду с прецедентным текстом выделяют другие прецедентные феномены: прецедентное имя (имя собственное, связанное с широко известным текстом или ситуацией), прецедентную ситуацию (“идеальная” ситуация, связанная с набором определённых коннотаций) и прецедентное высказывание (репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности).

Все прецедентные феномены обладают определёнными функциями. Вслед за Е.А. Нахимовой выделяются функция оценки, моделирующая (формирование представления о мире в виде модели), прагматическая, парольная, эстетическая, эвфемистическая и людическая (связанная с языковой игрой) функции [4, с. 143–144].

Обратимся к поэтическим текстам А. Никитенко, А. Зарифьяна, М. Рудова и О. Нагайки. В них мы выявили 56 примеров прецедентности, наибольшее количество которых представляют собой разнообразные обращения к текстам русской (27 примеров) и зарубежной (4) классики.

Русская лирика стала источником вдохновения для поэтов Кыргызстана неспроста: через неё человек общается сам и общается своих читателей к русскому слову, культуре, через неё идентифицирует себя как поэта-продолжателя русской лирической традиции. Так, А. Никитенко неоднократно обращается к творчеству А. Пушкина, А. Грибоедова, В. Маяковского и др., у М. Рудова находим отсылки к Б. Пастернаку и А. Блоку.

Цитация и квазицитация стихов Пушкина встречена нами 6 раз у А. Никитенко, из них два раза поэт использует обращение к стихотворению “Бесы”: *“Не слагать бы эти стансы, // петь бы гимны по стране. // Да униженные старцы // рвут на части сердце мне”* [5, с. 28]. Последняя строка содержит трансформированную цитату из “Бесов”, однако она достаточно узнаваема, в том числе за счёт ритмической идентичности строфы (четырёхстопный хорей с перекрёстной рифмовкой). Тот же четырёхстопный хорей (иногда с пиррихием) видим и в стихотворении, посвящённом С. Сусловой. В нём содержатся одна прямая цитата (взята в кавычки) и аллюзии на “Бесов”: *“За полями солнце село. // “Мутно небо, ночь мутна”. // А с востока заблестела, // встала полная Луна”*;

“Бытия круги и срезы: // то гульба, а то пальба. // **Те же бесы. Те же стрессы.** // и Дантесы, и судьба” [6, с. 117]. В последней строке, кроме того, мы видим ставшее прецедентным имя Дантеса (Ж. де Геккерна), дуэль с которым стала для Пушкина смертельной. Таким образом, предощущение возможной гибели, пронизывающее “Бесов”, “накладывается” на реальное событие – гибель поэта.

Квазицитаты из предисловия поэмы “Руслан и Людмила” (1820) являются основой для построения следующего стихотворения:

Там русского в бандитских черепах нет.
Из края в край их рай исколеси –
там нет чудес, и Русью там не пахнет,
а пахнет истреблением Руси.

И лешие, как волки, по лесам там
враз загрызут – их только зацепи.

**И Кот учёный старым дилетантом
и днём, и ночью чахнет на цепи.**

Там новые витии и пророки
вершат свой передел и беспредел.

**И Кот им наподобие сороки
учёный трескотней поднадоел.**

Там жизнь кипит содомья и гоморрья.

Русалкин на ветвях сидит скелет.

Дал дуба дуб давно у лукоморья.

А без него там будущего нет [7, с. 41].

Выделенные строки настолько узнаваемы, что не требуют разъяснений.

Строка из стихотворения А. Пушкина “К Чаадаеву” (1818) также становится основой для лирического высказывания (“Возвестье”): “Жестокий век // нас изнахратил. // Тонка кишка. // Пуста мошна. // **Но на обломках демократий // напишут // наши // имена!**” [7, с. 222]. Лишь замена слова “самовластье” на “демократия” отсылает читателя к современности.

Аллюзии на стихотворение “Пророк” (1826) мы видим в другом тексте: “**Растерял я себя по пустыням – // серафима не встретил нигде**”; “**И в гортани коробится сухо // мой иссушенный зноем язык**”; “**Мне глаголы даются едва ли...**”; “**Но глаголю, и виждю, и внемлю. // Оставаться не вправе немым // кто с небес опустил на землю, // опалённый огнём внемлемым**” [8, с. 114–115].

В “Ретростихах” встречаем прямую пушкинскую цитату из произведения “Я помню

чудное мгновенье...” (1825): “**Умри, людская злость и псовость! // и пусть восторжествует вновь // Вода и хлеб, и соль, и совесть. // “И жизнь, и слёзы, и любовь”**” [8, с. 17].

К пьесе А.С. Грибоедова “Горе от ума” А. Никитенко обращается трижды. Один раз использует её в качестве прецедентного имени (стихотворение “Ретроспектива”): “**И светит нам / из времени былого: / А. Грибоедов: / “Горе от ума”**” [9, с. 55]. Два других примера – аллюзии, отсылающие к строкам “...И дым Отечества нам горек и приятен”: а) “**Листья жгут по садам, // как не раз в этом мире бывало. // И плывёт над селом // дорогого Отечества дым**” [6, с. 17]; б) “**Ведь не забыть, // как бегал я по травке, // пил воду здесь из чистых родников. // Угар шашлычен. // Вонь автозаправки. // А дым Отечества был вовсе не таков**” [10, с. 182].

Из других обращений к классической поэзии отметим прямую цитату из “Паруса” М.Ю. Лермонтова: “**Что ищешь ты в стране далёкой, // оставшейся под подоплёкой // тотальной слежки и жестокой // войны с предметами в стране?**” [5, с. 6]. Мы встречаем и аллюзию на строки стихотворения А. Фета “Шёпот, робкое дыханье...”: “**Не шёпот робкий, не броженье, / когда Луна и соловей!**” [9, с. 186].

Строки стихотворения Игоря Северянина “Как хороши, как свежи будут розы / моей страной мне брошенные в гроб” использованы Александром Никитенко и как эпиграф к стихотворению, и как источник прецедентности: “**А к той моей стране не същещь троп. // И мне через кордоны и заставы // Моя страна не бросит розы в гроб**” [11, с. 71].

Единственную аллюзию к басне И. Крылова мы встретили в стихотворении “Рекламный сонет” О. Нагайки: “**Пусть мир пока небрежен к Иссык-Кулю, // как басенный петух к жемчужному зерну**” [12, с. 12].

Что касается обращений поэтов-кыргызстанцев к советской лирике, то мы можем снова отметить творчество А. Никитенко, в котором присутствует как минимум три отсылки к стихам В. Маяковского. Два стихотворения содержат трансформированную цитату из “Стихов о советском паспорте” (1929): а) “**Поэт в России – он и гражданин // своей страны, и он в мессии**

метит. // *Но из широких рыночных штанин // достать российский паспорт мне не светит*” [10, с. 170]. Отметим здесь также слова “Поэт в России...”, которые неизбежно отсылают к творчеству Е. Евтушенко; б) “*Был великой страны гражданин! // А теперь просьбою кукуя. // И достать // из широких // штанин // не могу ничего, кроме х***” [5, с. 54]. Также поэт в произведении “Лирики” использует немного изменённые строки стихотворения “А вы могли бы?»: “*Век с норовом бездушной глыбы // сгубил в нас зовы новых губ. // А мы ноктюрн сыграть могли бы // на флейте водосточных труб!*” [9, с. 192].

Прямой цитатой из второй части поэмы В. Маяковского “Облака в штанах” заканчивается ещё одно стихотворение: “*Каждый себе Конфуций – // как обобратить народ. // “В терновом венце революций // грядёт шестнадцатый год”?*» [9, с. 94].

Прямая цитата из стихотворения Е. Евтушенко (с указанием авторства) встречена нами в следующем контексте: “*Россия, Русь! всё ярче мне твой свет. // И строчка евтушенковская в силе: // “Поэт в России – больше, чем поэт”. // А вне России – больше, чем в России*” [11, с. 94].

Аллюзию на творчество А. Блока видим в стихотворении М. Рудова “Пожелание”: “*Пусть созреет вино, и до срока // Распечатать кувшин не спеши. // И случится! Прекрасная Дама // Сядет рядом с тобой за столом*” [13, с. 106].

К одному и тому же стихотворению Б. Пастернака “Быть знаменитым некрасиво” (1956) восходят высказывания М. Рудова и А. Никитенко. У М. Рудова это квазичитата в стихотворении “Переводчику”, трансформация которой отсылает к судьбе самого Б. Пастернака, который после фактического запрета на творчество зарабатывал переводами: “*Напечатали имя петитом – // Беспристрастно прими этот знак. // Переводчику быть знаменитым // Некрасиво, сказал Пастернак*” [13, с. 135]. У А. Никитенко же это основа для построения собственного высказывания, в котором приведённая строка взята в качестве эпиграфа. В его стихотворении строка Б. Пастернака претерпевает четыре трансформации, превращаясь в итоге в индивидуальное

суждение: 1) “*Красиво быть незнаменитым, // забытым и судьбою битым*”; 2) “*Незнаменитым быть приятно*”; 3) “*Незнаменитым быть красиво*”; 4) “*Незнаменитым быть – отрада. // Судьба моя – моя награда. // Другим ничем незнаменит. // Моя звезда меня хранит*” [8, с. 91–92].

Басня М. Рудова “Три кабана” [13, с. 148] сюжетно является продолжением “Трёх поросят” С. Михалкова, однако стихотворение прочно связано с современными поэту реалиями: повзрослев, поросята решили поделить “общий дом”. Можно говорить о прецедентном событии (распад СССР), включённом в художественный текст.

В качестве прецедентных выступают русские и советские прозаические произведения. Так, например, у М. Рудова в стихотворении “Unum et idem” присутствует аллюзия, отсылающая к “Слову о полку Игореве”: “*Потомки позабыли, // Что за Сулою ржгут кони. // Потёмки лет сокрыли // Отеческие корни*” [13, с. 100].

А. Никитенко в разных формах обращается к сказке А.Н. Толстого “Золотой ключик, или Приключения Буратино” (цитата: ... “*скорее жив пациент, чем мёртв / схватка за жизнь / была отчаянная*” [7, с. 107]) и к поэме Н.В. Гоголя “Мёртвые души” (цитата: “...*вместо вольной птицы тройки / беспредел / и беспросвет*” [5, с. 38].

Упоминание названий четырёх произведений мы встречаем в стихотворении А. Никитенко на смерть Ч.Т. Айтматова: “*Пегие псы побежали краями морей...*”; “*Падают горы, когда угасает звезда. // День этот горестный веком появился. // Белый его пароход навсегда // в Нюрнберге остановился*”; “*В красной косынке хрупкий его тополёк // В каждом из нас прорастает, куда мы живы*” [5, с. 32].

Аллюзиями, отсылающими к роману М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, полно стихотворение “Песенка”. Это и упоминание имён главных героев в качестве прецедентных, и отсылки к сюжетной линии романа: “*Мир жаждет // масла // и маргарина // для ежедневных своих хлебов. // Но страждет // Мастер // и Маргарита, // храня, // спасая свою любовь*”; “*Но любят – // Мастер и Маргарита. // И мир на этом пока стоит*” [6, с. 160–161].

Немногочисленны обращения к зарубежной прозе и поэзии (нами выявлено четыре примера). К творчеству У. Шекспира восходит восклицание “Бедный Йорик!” в стихотворении А. Никитенко “Се ля ви” [9, с. 5] и строки стихотворения А. Зарифьяна: “*Нынче мир – не театр, а цирк, / люди ж в нём – не актёры, а клоуны*” [14, с. 17]. Первый пример – отсылка к трагедии “Гамлет, принц Датский”, второй – отсылка к комедии “Как вам это понравится”.

В стихотворениях А. Никитенко мы обнаружили аллюзию на роман Дж. Стейнбека “Гроздь гнева” (1939, англ. *The Grapes of Wrath*): “*Гнев питает роковые гроздья. // И в зловещем молнийном огне, // может стать, душно предгрозы, // как нарыв, прорвётся по стране*” [8, с. 97]. Он создаёт необходимую ассоциацию: роман созвучен тому, что поэт увидел в современной ему истории (назревание новой революции 7 апреля 2010 года).

Другой пример – обращение к имени и образу Дон Кихота (М. де Сервантес): “*Сердца глухие растревожь, // свой идеал всей кровью нянчи, // чтоб кто-то дальний // стал похож // на Дон Кихота из Ламанчи!*” [8, с. 75–77].

Как своеобразный литературно-нелитературный источник выступает Библия, например: “*Успокойся, выпей кофе, // Жизнь – не век, а пять минут. // Будет легче на Голгофе, // Где тебя ещё распнут*” [8, с. 18]. А. Никитенко обращается к Библии в поэме “Двадцать четыре”, называя города Содом и Гоморру (см. ниже).

У М. Рудова встречаем обращение к описанию исхода евреев из Египта (Ветхий Завет) и к притче о блудном сыне (Евангелие): а) “*Но казалось, как это ни странно, // Что в степи не иней лёг, а манна, // Что сынов израилевых снова // Возлюбил суровый Иегова, // И пророк возносит к небу длани, // Заповедным истинным внимая... // Под Отаром на военном стане // Налетела перепелов стая*” [13, с. 95]; б) “*Всё потом – как обвал, как лавина, // Трын-трава пережитых лет. // Возвращение блудного сына // Не вписалось в этот сюжет*” [13, с. 99].

В двух стихотворениях А. Зарифьяна мы встретили обращения к античной мифологии и легендам: “*Эк вздорожал проезд // в ладье Харона! // пенсионерам путь // заказан в рай!*” [14, с. 195]. Упомянутая ладья Харона – часть

греческих мифов о загробном мире. Другое стихотворение содержит пересказ легенды о Диогене, который показывает, что ситуация с античных времён несколько не изменилась. Логичным является итог: “*Вот и свечи // уже не чадят – // Мощь турбин // озаряет пути, // Но и с лампою // в тысячу ватт // нелегко // Человека найти!*” [14, с. 6].

Рассмотрим обращения к текстам песен в поэзии А. Никитенко. “*Враждебные вихри – // веют. // Зреют // бунтовщики*” [9, с. 94]. Здесь присутствует трансформированная цитата из песни “Варшавянка” (муз. В. Вольского, сл. В. Свенцицкого, пер. Г. Кржижановского). “*Кто боролся, устали не зная, // с населением, мыкающим век? // Широка страна моя родная. // Много в ней, чем гнусен человек*” [8, с. 10] – трансформированная и сокращённая, но весьма узнаваемая цитата из “Песни о родине” (муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача), которая впервые прозвучала в фильме “Цирк” (1936, реж. Г. Александров).

“*В оглохших ушах заиграл, зазвучал “Интернационал”, // Ворвался в сознание словами его перевода. // Последний решительный бой. А вдали – Чёрный ангел летал. // Последний... Вдали за чертой горизонта – свобода*” [13, с. 130]. Неточная цитата из “Интернационала” (муз. П. Дегейтер, сл. Э. Потье, пер. А. Коц), которая знакома очень многим представителям старшего поколения.

Обращение к старинному русскому романсу П. Булахова на слова В. Чуевского “Гори, гори, моя звезда” (1846) присутствует в стихотворении М. Рудова “Август”: “*И сердце билось учащённо, // Как в забытые года. // Гори, гори на небосклоне, // Моя вечерняя звезда!*” [13, с. 93].

Идеологические лозунги, цитаты из идеологизированных текстов немногочисленны. Например, известное выражение первого президента Кыргызстана А. Акаева использовано в стихотворении “Соотечественники” М. Рудова: “*Всё за нас решили, не спросили. // Прошлое – на слом, и всё вверх дном. // То ли наша Родина – Россия, // То ли Киргизстан – наш общий дом?*” [13, с. 102].

Советский праздничный лозунг “Мир, труд, май!” был трансформирован А. Никитенко:

“Тебя крутые не поймут, // когда совдеповской закваски // ты им рассказываешь сказки // про прежний мир и май, и труд. // Ни мира, ни труда, ни мая” [5, с. 6]. За десятилетия использования эта нехитрая фраза обросла множественностью ассоциаций, и поэтому благодаря сжатости, “концентрированности”, ёмкости передаёт множество смыслов. Это тоска и по утерянной родине, и по прошедшей молодости, горечь от осознания невозвратности того строя, при котором сформировалась личность поэта, горечь от утраты идеалов и ломки устоев.

Данная группа прецедентов очень ярко иллюстрирует тот факт, что прецедент всегда тесно связан со временем своего существования: идеологические лозунги и цитаты доступны пониманию определённой группы, ограниченной возрастными рамками, страной проживания с определённым общественно-политическим фоном. В этой связи мы согласны с тем, что “прецедентные феномены, как правило, знакомы носителю “своей” культуры, поскольку за каждым из них стоит определённое представление или некое отображение, которое априори известно носителю того или иного менталитета и делает все отсылки и обращения к прецедентному феномену доступными и понятными без дополнительных комментариев или расшифровки” [15, с. 2].

Единичны случаи обращения к другим источникам прецедентности. Например, использование в несколько изменённом виде реплики таможенника Верещагина, героя фильма “Белое солнце пустыни” (1970, реж. В. Мотыль): “*Вся страна // Запела Окуджаву. // Был Высоцкий, // Галич, // Визбор, // Ким. // Не было обидно за державу // с времявыражением таким!*” [8, с. 117]. Другой пример – включение трансформированной детской считалочки-загадки: “*Жаль, Содружества не стало, // В СНГ – сплошной бедлам! // “С” упало, “Н” пропало, // Что осталось – видишь сам...*” [12, с. 71]. Отметим упоминание прецедентного имени революционного кубинского деятеля: “*Взятки, бл**ки и навары, // кулуары наглых свар. // Не хватает Че Гевары // вбить вам в глотку ваш навар*” [5, с. 11].

Наибольший интерес для нас представляют поэтические тексты, в которых автор совмещает отсылки к различным прецедентным текстам. Такие произведения содержат элемент игры

с читателем, когда последний становится почти соавтором, включая в стихотворение собственные ассоциации. Так, например, А. Зарифьян в стихотворении “Как нас теперь называть?” [14, с. 425–426] использует: а) прямые цитаты из “Песни о родине”: “*Ну, “товарищ” – с молоком впиталось, // Ибо долгих семьдесят годков // “Наше слово гордое” казалось // “Нам дорожке всех красивых слов”*”; б) известное высказывание А.П. Чехова “Я всю жизнь по капле выдавливал из себя раба” (из письма издателю А.С. Суворину от 07.01.1889), незначительно трансформированное и узнаваемое: “*... Вдруг с утра по радио России // Прозвучало гордо: “Господа!..” // Это нам?! – ушам своим не верю. // Это мне?! – аж ёкнуло в груди. // Наконец раба в себе похерю! // Выползай, ничтожный, выходи!*”.

Другой яркий пример – мини-поэма А. Никитенко “Двадцать четыре” [9, с. 196–200], которая имеет больше всего отсылок к поэме А. Блока “Двенадцать”: это и большое сходство ритма, и способ построения строфы, и развитие сюжета поэмы, и цитирование. Например: “*Эволюционный шах. // ... Революционный шаг; – Запирайте этажи, // ночью будут грабежи*”. Но в поэме присутствует и обращение к другим источникам прецедентности:

- а) Библия: “*Вот Гоморра и Содом! // – Горцы взяли Белый дом!*”;
- б) пословица: “*Кто работает – не ест*”;
- в) название фильма: “*Культ наживы! Дикай West*”;
- г) лозунг: “*Власть кому? Советов нет. // – Есть народ и он – совет*”;
- д) крылатое выражение (приписывается Людовику XIV): “*Государство – это мы? // – Но критерии – тюрьмы*”;
- е) имя: “*селфмейдмены всех систем. // Впереди – лишь дядя Сэм*”;
- ж) событие: “*Центробежный гнев в ходу, // Как в семнадцатом году*”.

Все приведённые примеры прецедентов легко восстанавливаются читателем до исходных, что обогащает текст ассоциациями, необходимыми поэтам для создания ёмкого лирического высказывания.

Выводы, к которым мы пришли в результате исследования, следующие. Во-первых,

отсылки к “чужому голосу” в данных текстах многочисленны, но отличаются разнообразием и при этом достаточно прозрачны. Во-вторых, круг прецедентов достаточно узок: в основном это произведения русской литературы XIX века и советской литературы, известные советские кинофильмы и песни; отсылки к другим прецедентам встречаются гораздо реже. По-видимому, это связано как с возрастом поэтов, формировавшихся в СССР с его особым культурным фоном, так и с тем, что обретение Кыргызстаном независимости было воспринято отчасти как разрыв связей с русскоязычным миром, что побуждает постоянно обращаться к “русскому слову” как опоре для собственного творчества.

Что касается функций прецедентных феноменов в кыргызстанской русскоязычной поэзии, то наиболее яркой является функция оценки и прагматическая функция, так как лирическое произведение имеет главной целью воздействие на читателя. Не менее ярко представлены эстетическая и пародийная функции – чаще в поэзии А. Никитенко, чем других поэтов, что связано с пародийным характером некоторых его произведений. Людическая функция прецедентов, связанная с языковой игрой, а также моделирующая и эвфемистическая функции почти не реализуются.

Поступила: 15.04.24; рецензирована: 29.04.24;
принята: 30.04.24.

Литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 363 с.
2. *Дубинина В.А.* Исследование категории прецедентности в рамках лингвокультурологического подхода / В.А. Дубинина // Вестник Луганского гос. пед. ун-та. 2021. № 2 (56). С. 14–18.
3. *Слышкин Г.Г.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
4. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. 208 с.
5. *Никитенко А.* Дневная фактура. Стихотворения, палиндромы / А. Никитенко. Бишкек: б.и., 2008.
6. *Никитенко А.* Я бета тебя. Стихотворения / А. Никитенко. Бишкек: Салам, 2014.
7. *Никитенко А.* Небо в нас самих. Стихотворения / А. Никитенко. Бишкек: Салам, 2014.
8. *Никитенко А.* Разрыв. Стихотворения / А. Никитенко. Бишкек: б.и., 2008.
9. *Никитенко А.* Зимняя радуга. Стихотворения, поэма, литературные пародии / А. Никитенко. Бишкек: Просвещение, 2006.
10. *Никитенко А.* Чёрный ящик. Стихотворения / А. Никитенко. Бишкек: Салам, 2011.
11. *Никитенко А.* Тень птицы. Стихотворения разных лет. Воспоминания друзей / А. Никитенко. Бишкек: Салам, 2018.
12. *Нагайка О.* Планета гор: Стихи / О. Нагайка. Бишкек: Наука и образование, 2002.
13. *Рудов М.* Стихотворной строкой: Поэтический сборник / М. Рудов. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2019.
14. *Зарифьян А.* Буду краток: Стихотворения / А. Зарифьян. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015.
15. *Тулохонова В.Ф.* Прецедентные феномены в английской лингвокультуре / В.Ф. Тулохонова, Н.А. Янькова // Научное обозрение. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-angliyskoy-lingvokulture> (дата обращения: 19.04.2024).